

Mrázek, Roman

Эмоциональность предложения и перспективы ее сравнительного исследования

In: *Otázky slovanské syntaxe. IV/2, Sborník sympozia Aktualizační (pragmatické) složky výpovědi v slovanských jazycích, Brno 6.-9. září 1976.* Grepl, Miroslav (editor). Vyd. 1. V Brně: Univerzita J.E. Purkyně, 1980, pp. 93-98

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/121625>

Access Date: 22. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

B.

EMOCIONÁLNÍ POSTOJE

ROMAN MRÁZEK (Brno)

ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучение системных типов конструкций, наделенных той или иной эмоциональной окраской — насущная, в высшей степени актуальная задача. Необходимо же, наконец, приступить к современному истолкованию менее известных, тонких микротипов в рамках „эмоционального“ синтаксиса, потребность которого справедливо выдвигалась Л. И. Ройзензоном на нашем втором брновском симпозиуме в 1966 г.¹ Первоначально настоящий симпозиум так и должен был заниматься исключительно вопросами эмоциональности и, шире, экспрессивности на синтаксическом уровне в славянских языках. Позднее тематические рамки нашего нынешнего совещания были расширены, однако проблематике взаимосвязей эмоциональной установки говорящего к предметному содержанию пропозиции и синтаксического оформления соответственного высказывания тем не менее отводится здесь одно из центральных мест.

Между славянскими языками имеется целый ряд интересных различий в типах эмоциональных конструкций. Пока что, к сожалению, в области их сравнительного (и сравнительно-исторического) исследования не было сделано почти ничего.² В общем мало продвинулось также и изучение эмоциональных построений в том или другом, отдельно взятом одном славянском языке.³ К тому же нельзя не видеть, что и с теоретического угла зрения приемы трансформационного и порождающего синтаксиса практически

¹ Л. И. Ройзензон, *Влияние морфологических и семантических факторов на формирование и стабилизацию синтаксических структур*, OtSlovSynt II, Brno 1968, 253—261.

² Мне известны лишь следующие авторы, коснувшиеся в последние десятилетия сравнительной проблематики эмоциональности в славянских языках: В. Махек (1930), Ф. Ливер (Liewehr, 1956), Э. Станкевич (1954, 1961, 1961/62), Н. Н. Русаковская (1962), А. К. Жолковский (1962), Л. М. Васильев (1962), А. В. Бондарко (1969).

³ Относительно больше всего было написано чешскими языковедами (Зубатый, Матезиус, Травничек, Копечный, Немец, Бечка, Зима, Грель — специальная монография, Михалкова, Мразек, Брым, Пухлякова). Богата также продукция советских русистов (Шведова — книга *Очерки по синтаксису русской разговорной речи*, Лаптева, Шмелев, Степанян, Бабайцева и некот. др.). По остальным славянским языкам изыскания продвинулись особенно в словацком (Мико, Мистрик) и болгарском (Русинов, Хаджов). Наибольшей популярностью проблемы экспрессивности пользуются, видимо, во французском языковедии (Воше — G. Vaucher, 1930; Соважо — A. Sauvageot, 1957; Анри — A. Henry, 1960 и др.).

еще не добрались до эмоциональных коммуникатов, хотя они предоставляют немало заманчивых шансов проверить действенность и истинность этих приемов. Теоретические изыскания порождающего и — в последнее время — сугубо „семантического“ синтаксиса продолжают ориентироваться по-прежнему на язык книжный, витая в сфере интеллектуализованной речи и оперируя или тривиальными, или вычурными, мало естественными примерами. А между тем ряд фундаментальных теоретических вопросов ждет своего разрешения. Попытаюсь в дальнейшем наметить некоторые эти вопросы, добавив кое-где их предварительное возможное решение.

Эмоциональность — это одна, большей частью факультативная, сторона в установке (в точке зрения) говорящего к сообщаемому содержанию, или же к пропозиции; таким образом, она входит в качестве специфической составной части в совокупность т. наз. внутренних прагматических компонентов высказывания (предложения). Экспрессивность же представляет более широкое по объему понятие, как любое стремление к выразительности, актуализации стилизируемой мысли. Языковые сигналы (десигнаторы) эмоциональности относятся к разным уровням языка: звуковому (мелодема предложения со всеми частными манифестациями), лексическому (эмоционально окрашенные слова, междометия и т. д.) и морфосинтаксическому (морфологические средства на службе тех или иных конструкций, использование различных частиц в функциональном смысле слова, словопорядок и др.). Необходимо здесь же подчеркнуть, что преобладающее большинство эмоциональных конструкций, носящих сверхиндивидуальный характер, относится к системе языка, а не только к речи, имея, таким образом, вполне системный характер. Однако до сих пор именно по этому пункту нередко наблюдается известная дискриминация их, как явлений, мол, чисто речевых. (Иная дискриминация современной синтактологии касается безглагольных — в глубинной структуре — построений; как еще будет показано ниже, наиболее элементарные эмоциональные образования часто лишены финитного глагола, пусть только эксплицитного, но парадигматически наличествующего.)

Синтаксическая теория последнего времени поднимается до яруса синтаксиса целых текстов. А эмоциональные предложения, в самом деле, нередко выходят за свои изолированные рамки, будучи тесно связаны с более широким контекстом и конситуацией. Следовательно, изучение синтаксиса текста благоприятствует разысканиям в сфере наших конструкций, снабженных ярко выраженной эмоциональной окраской, отражающейся внешне на всем формальном строении высказывания.

Период расцвета трансформационно-порождающего синтаксиса уже давно миновал, а наши предложения так и не получили подобающего теоретического освещения через его призму. Между тем это — дело важное, не могущее не тревожить синтаксистов, занимающихся анализом живых, широко употребительных коммуникатов обиходно-разговорной речи. Я лично пользуюсь (преимущественно для сравнительных целей) методикой т. наз. деривационного синтаксиса.⁴ Заключается она, коротко говоря,

⁴ Принципы деривационного синтаксиса были изложены автором в статье Р. Мразек, *Синтаксическая деривация*, *Slavica Slovaca* 9, 1974, 287—293.

в том, что на уровне генеративного объяснения от определенно го набора исходных, „ядерных“ структур путем последовательных факул тативных шагов производятся на выходе любые конкретные высказывания. Исходные структуры — предельно простые, ничем не осложненные, т. е. повествовательные, афfirmативные, определенно-личные или безличные, с перспективной действительного залога, без эксплицитных сигналов волю нтативной модализации или фазисности, неэмоциональные, с объективным слово-порядком; другими словами: это элементарные реализации соответственных пропозиционных моделей. Приведу хотя бы один пример из чеш. яз.:

Že bys přestal pískat?! (эмоционально насыщенное, с налетом досады, обращение к адресату, содержащее призыв прекратить насвистывание). В нашей деривационной объяснительной методике путь от исходного, элементарного образования к результирующему высказыванию выглядит вот как: *Pískáš → Přestaneš pískat → Přestaň pískat!* → (здесь появляется эмоция) *Že bys přestal pískat?!*; одновременно видно, как модальное оформление вопросительное превращается в актуальную значимость побуждения, призыва.

Нагляднее всего эмоциональную установку говорящего можно проследить на восклицательных (экскламативных) предложениях. Последними могут становиться предложения повествовательные, вопросительные, побудительные и оптативные (пожелательные). Многие из числа экскламативных коммуникатов представляют собой отражение интенсификации — т. е. эмоционального волнения, вызванного необычным, эксклюзивным признаком наблюдаемого отрезка денотата. Встает попутный вопрос: все ли экскламативные предложения бывают эмоционально окрашенными? Думается, что нет. Обосновать это можно, сославшись на разного рода механические, повторные восклицания (напр., газетчика), на окказиональные устные коммуникаты на большом расстоянии и т. п. Куда важнее, однако, иная проблема: что представляют собою эмоциональные (восклицательные) предложения согласно деривационной методике? Нельзя ли допустить, что хотя бы некоторые из них входят в состав исходных, ядерных построений, ибо они — возможно — не могут быть возведены ни к чему-либо более „элементарному“; имею сейчас в виду такие образования, как-то рус. *Вот молодец!*, *Какая красота!* Однако мне кажется, что ядерных, автономных эмоциональных предложений вообще нет и что все экскламативные (и другие) эмоциональные высказывания представляют сплошь дериваты, т. е. производные структуры. Это положение о производном, деривированном характере наших объектов нуждается, пожалуй, в уточнении и не лишено некоторых серьезных затруднений. Остановимся на них.

Если всякое высказывание с манифестирующей эмоциональной окраской представляет что-то производное, непервичное, то оно должно иметь свой неэмоциональный конструктивно-лексический коррелят. Другими словами: необходимо тогда признать теорему, что всегда существует возможность передать ту же самую мысль (ту же самую семантику) неэмоционально, сняв с поверхностной структуры все нелексические операторы эмоциональной установки говорящего. Тут-то и встают наибольшие трудности — далеко не всегда легко найти и сформулировать этот неэмоциональный коррелят. (Напомним еще, что в нашей деривационной

цепочке он стоит всегда в непосредственном соседстве слева от заданного результирующего высказывания.) Очень часто бывает так, что при снятии эмоциональности встает потребность прибегать к эксплицитному „развертыванию“ предметного содержания. В противоположном ему, эмоциональное высказывание оказывается обычно более лапидарным, „имплицитным“. Иначе говоря: эмоциональность часто делает избыточными те или другие лексические средства. Ср. хотя бы два примера из чеш. яз.:

Ten má hlas! ← *XY má mimořádně krásný (silný, divný, nehezký ...)* hlas; *Ta jel* ← *XY* (субстанция жен. рода) *je skvělá, výborná, podivuhodná, zvláštní, nedobrá ...*). Конкретная семантическая значимость предопределяется контекстом и коммуникативным замыслом говорящего, отражаясь также и на мелодеме и нередко на паралингвистических признаках. Общеизвестно, далее, что благодаря наложению эмоциональности происходят разного рода сдвиги, транспозиции предметных и грамматических значений, подчас имеет место прямо-таки нейтрализация общего модального статуса (ср. чеш. *Proč jsem tam chodil!* = не то оптативное, не то вопросительное высказывание).

Наибольшие проблемы встают перед нами не при истолковании эмоциональных построений с полнозначным глаголом, а при истолковании конструкций *sine verbo finito* или также со связкой (*sunt copula*). Напомним лишь о тех многочисленных попытках теоретиков дать убедительную трактовку глубинной природе таких (даже неэмоциональных) коммуникативов, как-то: чеш. *Myš!*, *Letadla!*, *Maminka!*, *Praha!*, *Sníh!*; рус. *Пожар!*, *Зима*, *Мороз*, т. е. образуемых имен. падежом существительного.⁵ А ведь в силу эмоциональности получаются, например, в чеш. языке (с аналогиями в иных языках) такие дополнительные структурные синтаксические типы, как-то: *Ta Praha!*, *Taková nádhera!*, *Jaké překvapení!*, *Sopak Praha!*, *Kdepak Plzeň!*, *To je překvapení!* и т. д. Всегда ли мы в состоянии дать четкую, однозначную неэмоциональную стилизацию сообщаемого ими содержания? По этому поводу речь пойдет еще ниже.

Показательно, что в славянских языках главный член подобных построений выражается имен. падежом, иногда также и род. падежом (к последнему случаю ср. рус. *Народу-мо!*, чеш. *Těch koberců!*, *Toho zaslepenec!*). Все нераспространенные построения, содержащие иной беспредложный падеж, как и любой падеж с предлогом, следует считать эллиптическими, неполными (напр., *Минеральную воду!*, *За мной!*).⁶ В сравнительно-историческом, а также и в чисто сравнительном межславянском размере среди всех эмоциональных типов наибольшее внимание заслуживают как раз эти неглагольные или связочно-именные конструкции с имен. // род. падежом.

Я осмелился использовать нашу брновскую встречу славистов-синтаксистов для приобретения небольшой анкеты: попросил у представителей от-

⁵ В последнее время на анализе подобных номинальных предложений остановилась Е. Кржижкова-Беличова; ср. Н. Křížková, *Na okraj jednočlenných nominálních vět*, *Cs. rusistika* 15, 1970, 164—170.

⁶ Доказать это положение автор настоящих строк попытался еще раньше; ср. R. Mrázek, *K otázce českých větných schémat a typů, zvláště neslovesných*, *Slovo a slovesnost* 23, 1962 21—36.

дельных славянских языков указать в их языке соответствия заданных русских и чешских эмоциональных восклицательных коммуникатов. На основании этой анкеты, как и собственного материала (полученного путем выборки славянских текстов) можно будет в особой статье дать обзорные характерных совпадений и расхождений этих коммуникатов по современным славянским литературным языкам. Здесь же нужно ограничиться только краткой общей констатацией: славянские языки располагают неодинаковой функциональной дистрибуцией трех возможных грамматикализованных десигнаторов: (а) указательных слов, (б) вопросительных слов, (в) частиц. Указательные слова (согласуемые в роде с именем существительным, а также несогласуемое *to*) играют наибольшую роль в чешском, словацком, отчасти и в лужицких языках; ср. чеш. *Ta krásá!*, *Ten optimista!*, *To je pivo!*, *Ti jsou chytrí!* Вопросительные слова (= функционально уже синтаксические частицы) представлены господствующим образом на всей остальной славянской территории; притом в словенском языке наблюдается приблизительное равновесие указательных и вопросительных десигнаторов (ср. *Kakšna lepota!*, *Kako hladno je tu!*, *To ti je fant!*, *Taka sreča!*, *Kako sem se ustrašil!* || *To sem se ustrašil!*), а в сербохорв. языке бросается в глаза гегемония вопросительного слова *što* (ср. *Što si ti optimist!*, *Što je ovdje toplo!*, *Uh, što je to dobra supa!*). Частицы (и междометия) в той или иной мере свойственны всем языкам; показательно, что некоторые языки прибегают к частице, могущей выступать также и в роли противительного союза (напр., чеш., словац. *ale*, поль. *ależ*, словн. *ali*, болг., мак. *ама*); в восточнославянских языках получили распространение частицы дейктического происхождения (рус. *вот*, укр. *ось*, *оце*, *ото*, брус. *вось*), из иных языков заслуживают внимания особенно словац. *či*, *ľa* (и удвоенная), болг. *че*, мак. *море*.

Сравнительное и сравнительно-историческое исследование должно было бы устанавливать репертуар этих формальных средств в каждом отдельном языке, их соответственную функциональную дистрибуцию (взаимодействие, конкуренцию), межъязыковую эквивалентность и стилевые параметры. Кроме того, неизбежно будет решать вопрос о семантических инвариантах всех конструкций, прежде всего экскламативных и не со знаменательным глаголом. Вряд ли можно усомниться в наличии инвариантного, общего значения, свойственного той или иной конструкции (считаясь и с мелодематическим профилем ее). Частные, комбинаторные значения могут быть весьма разнообразными, в зависимости от контекста в широком смысле слова. Формулировать же это общее значение предполагает отвлечься от них, довольствуясь предельно абстрактными дефинициями. В качестве иллюстрации можно привести следующие эмоциональные типы чешских построений с имен. // родит. падежом, неглагольные или связочные:

1. *Krásá!*, *Auto!*; 2. *Ta krásá!*, *Ta dnešní mládež!*; 3. *Taková tma!*, *Takový optimista!*; 4. *Jaké překvapení!*, *Jakýpak vědec!* (последнее — иронически); 5. *To je vitrl!*, *To je pivo!*; 6. *To je (mi) taky umělec!* (ирония); 7. *Čopak Ivan!*, *Čopak Bratislava!*; 8. *Kdepak Ivan!*, *Kdepak Bratislava!*; 9. *Těch ořechů!*, *Toho zaslepence!* („какой слепец!“); 10. *Peněz je!*; 11. *To bylo radosti!*

При поисках общих семантических характеристик, вероятно, надо будет примириться с тем, что наряду с наиболее частой предикацией, сущ-

ностью некоторых безглагольных высказываний оказывается дейксис.⁷ Это имеет место, в частности, тогда, когда отсутствует смысл „это есть XY“ и отсутствует также оценочная квалификация некоторого явления, т. е. в случаях типа рус. *Мышь!*, *Снег, снег!*, о которых уже столько раз велись дискуссии в научной литературе. Тогда и лишены смысла споры по поводу того, являются ли подобные существительные предикатами или субъектами — при дейксисе (экспозиции чего-либо) главный член удобнее трактовать просто как „дейктикум“, „дейктикон“.

Напротив, если данные имен. падежи существительных сообщают оценку отрезка денотата и тем самым наделены смыслом „это есть XY“, тогда предикация дает себя знать обычно довольно четко. (Промежуточные случаи, разумеется, существуют.)

Второе наблюдение, связанное с трактовкой инвариантов наших коммуникатов, можно было бы передать следующим образом: имеются структурные типы эмоциональных высказываний, неэмоциональные корреляты которых могут быть парафразированы — при желании постичь то общее, что лежит в основе комбинаторных вариантов — лишь на уровне значительной абстракции. Применительно к чеш. языку ср.: *Ta dnešní mládež!* = „*dnešní mládež je zvláštní (má své názory, dělá si co chce ...)*“ = „сегодняшняя молодежь + предикат отрицательно-эксклюзивной семантики“; *Copak Ivan!* = „Иван + предикат позитивной контрастно-эксклюзивной семантики“ („в противоположность другим, Иван /был бы/ отличный, зарекомендовал бы себя очень хорошо“); *Kdepak Míta!* = „Митя + предикат контрастно-негирующей семантики“.

Во всяком случае заслуживало бы, наконец, внимания синтаксистов взяться за детальное обследование каждого отдельного макротипа. Дело в том, что под одинаковой поверхностной оболочкой могут быть сокрыты два, три или более микротипа, в зависимости прежде всего от семантических классов существительных. Так, чешская модель: *Ten (ta, to ...)* + имен. пад. существительного + восклицат. интонация имеет, по крайней мере, следующие микротипы: (а) *Ten vítr!*, *Ta tma!*, *To horko!* (явления природы и окружающей среды); (б) *Ta krása!*, *Ten nevděčník!*, *Ten zloděj!* (оценочная предикация — „это красота, он неблагодарен, он вор“); (в) *Ten Ivan!*, *Ta dnešní mládež!* (существительные здесь в роли субъектов, которым приписывается какой-то эксклюзивно-контрастный признак). Сколько замечательных параллелей и своеобразных особенностей вскрывает сравнительное сопоставление такого рода построений всех славянских языков! Синтаксистам-компаративистам здесь открываются широкие перспективы.

⁷ Здесь я опираюсь на соображения В. Грабе; ср. V. Hrabě, *Několik poznámek k pojmu predikace*, *Rusko-české studie*, Praha 1960, 173—189 (особенно с. 184). Грабе вдумчиво и глубоко проанализировал здесь также и некоторые восклицательно-эмоциональные типы, интересующие нас непосредственно.